

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)

Ткаченко Д. С. Противоречивый генерал в сложное время

Рецензия на монографию «Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / под общ. ред. В. П. Сальникова, О. А. Белозерова, И. В. Белоконов, О. А. Гоков, Н. В. Григорьева, С. В. Моисеева, Н. Ю. Николаев, Ю. Г. Попов, Р. Ю. Почекаев, В. П. Сальников. – СПб.: Фонд «Университет», 2018»

Среди плеяды исторических деятелей начала XX века фигура А. Н. Куропаткина является одной из наиболее противоречивых личностей, вызывающих споры среди не только исследователей-историков, но и простых обывателей. При этом, начиная с дореволюционных времен в общественном сознании образ генерала связан с единственным эпизодом в его биографии – участием в Русско-японской войне в качестве верховного главнокомандующего Маньчжурской армией. Начиная со времени завершения этой войны, не особенно вдаваясь в детали деятельности А. Н. Куропаткина и его штаба, трагические итоги конфликта для России напрямую связываются с личными качествами командующего, допущенными тактическими ошибками и общей бесперспективности, избранной им «отступательной» стратегии. Личности двух участников этой войны: А. Н. Куропаткина и коменданта Порт-Артура А. М. Стесселя в исторических трудах и в художественной литературе демонизированы – превращены в образы тех «бездарных генералов», которые вопреки героизму рядовых участников конфликта свели на нет все усилия своих подчиненных и проиграли войну. Данная трактовка оказалась крайне удобной не только в царской России, объясняющей населению причины проигрыша самодержавным правительством непопулярной войны, но и в советское время, где она часто выступала в качестве иллюстрации тезиса историка-марксиста М. Н. Покровского о том, что «колониальные войны» в силу своего несправедливого характера, не могут порождать ни истинных героев, ни талантливых генералов-военачальников [5, с. 101]. Образ бездарных генералов, породивших своими недальновидными действиями клубок внешнеполитических проблем, тянущихся из прошлого в XXI век, так же удобен для объяснения корней ряда внешнеполитических вызовов современной России на ее

Tkachenko D. S. Controversial general in difficult times

Review «General Kuropatkin is a state and military leader of the Russian Empire. To the 170th anniversary of birth / Ed. by V. P. Sal'nikov, O. A. Belozеров, I. V. Belokon', O. A. Gokov, N. V. Grigor'ev, S. V. Moiseev, N. Yu. Nikolaev, Yu. G. Popov, R. Yu. Pochekaev, V. P. Sal'nikov. – St. Petersburg: Found "University", 2018»

дальневосточных рубежах, что диктует попытки сохранить устоявшиеся оценочные суждения и в наши дни. Таким образом, до предела идеологизированная оценка личности А. Н. Куропаткина, до сих пор превалирует над серьезными научными изысканиями о его деятельности, основанными на анализе источников, оставленных самим генералом.

Представленная коллективная монография, написанная под общей редакцией доктора юридических наук, профессора В. П. Сальникова представляет собой одну из первых в современной России попыток комплексного анализа историко-этнографического и военно-теоретического наследия генерала А. Н. Куропаткина. Она построена по принципу анализа «персональной истории» – попытке через рассказ об основных вехах биографии и научно-практического творчества генерала представить комплекс тех внешнеполитических и этнокультурных проблем императорской России в решение которых он был вовлечен как в силу занимаемого положения, так и личных исследовательских пристрастий. Данный подход тем более интересен, что он представляет взгляд на историю России конца XIX – начала XX вв. в контексте широкого круга историко-культурных задач, над решением которых в этот период начинали задумываться политики, военные деятели и гражданские администраторы не только нашей страны, но и ведущих колониальных держав Мира. И главная из этих проблем коренилась даже не в усилении военной мощи той или иной страны в отдельном регионе Земного Шара, а в размышлениях о возникающих глобальных геополитических вызовах и о выработке взаимоприемлемой модели организации метрополий и колоний, – той которую в Англии первой половины XX в. называли «проблемой появления белого человека на Востоке» [6].

С нашей точки зрения, наибольший интерес представляют два первых раздела монографии – «А. Н. Куропаткин – государственный деятель» и «А. Н. Куропаткин – востоковед, дипломат», в которых на основе анализа практической деятельности и научного творчества генерала показано его видение дипломатических, политических, административных, этнокультурных и экономических рычагов, которыми Российская империя может воспользоваться для вовлечения в сферу своего влияния народы и государства в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

В первом разделе показана деятельность А. Н. Куропаткина как одного из инициаторов проведения военно-разведывательного изучения народов Средней Азии на южном рубеже расширяющейся империи, которой он занимался со времен участия в Ахал-Текинской экспедиции и будучи начальником Закаспийской области. Авторы показывают значение работ генерала по составлению военно-статистического описания Кашгарии и туркменских племен в контексте формирования отечественного Востоковедения. Авторы удачно показали интерес к работам А. Н. Куропаткина не только в нашей стране, но и в Британской империи, где перевод его работы появился достаточно оперативно. При этом описания «управляемых территорий» и возможных театров военных действий активно практиковались в Российской империи начиная с середины XIX в. и являлись одной из должностных обязанностей как офицеров Генштаба, так и военных администраторов. Не только А. Н. Куропаткин, но и многие видные представители «военной интеллигенции», такие, как главный редактор «Военного сборника» и «Русского Инвалида» – генерал А. И. Лаврентьев, начинали свое творческое и научное поприще с составления военно-статистических описаний имперских окраин, а высшие должностные лица, такие, как командующий Кавказским корпусом Г. В. Розен целенаправленно собирали в своих личных архивах документы и сведения культурно-этнографического характера [1]. В связи с этим в материале монографии хотелось бы увидеть, насколько новаторскими были подходы А. Н. Куропаткина к составлению своих описаний по сравнению с другими произведениями данного жанра (такими, как описания Эриванской губернии П. К. Усларом, Восточного побережья Черного моря Н. И. Карлгофом, Ставропольской губернии Н. Н. Забудским и др. [2]). Предлагал ли А. Н. Куропаткин, подобно будущему выдающемуся исследователю кавказских языков П. К. Услару, что-то свое, новаторское [3], или просто слепо следовал инструкции, составленной в Генеральном штабе для проведения военно-статистического изучения еще военным министром Д. А. Милютином [4]?

Раздел «Цивилизационные разломы» и «желтая опасность» в контексте геополитических взглядов и идей А. Н. Куропаткина» представляет анализ представлений генерала о политике Российской империи на ее Дальневосточных рубежах. Как следует из текста, две работы и большое

количество разрозненных записок в своей совокупности составляют материал его размышлений по волновавшему российскую и европейскую общественность вопросу о перспективах европейской колонизации региона. Авторы убедительно показывают, что взгляды генерала на данную проблему были чрезвычайно консервативны и прямолинейны: его высказывания сводились к разработке мыслей о так называемой «желтой угрозе» – перспективе подавления европейцев жителями Дальнего Востока и Китая вследствие многочисленности последних. Генерал призвал к наращиванию военного потенциала России и налаживанию прочного политического союза с другими колониальными державами, занятыми строительством своих империй в Тихоокеанском регионе, прежде всего – Британией и США. Возможности складывания общеевропейского фронта в формирующемся «цивилизационном разломе» между Западом и Востоком рисовались А. Н. Куропаткину в самом розовом свете. Как следует из текста его статей, генерал не видел принципиальных различий в механизмах строительства империй, был невероятно далек от мыслей о пагубности провозглашения теории «господства белой расы на Востоке» основой всего политического курса. В свете тезиса о начитанности и широком кругозоре А. Н. Куропаткина, сознательное игнорирование им (если это имело место) идей, волновавших англоязычную общественность начала XX в. звучит тем более печально.

Конечно, А. Н. Куропаткин не мог быть знаком ни с теорией Ф. Д. Лудгарта об организации «Двухмандатного управления» в Британских колониях [7], ни тем более с критическими эссе Дж. Оруэлла о бесперспективности политики Британского Раджа [8], появившихся через два десятилетия после того, как русский генерал-геополитик сошел с исторической сцены, однако в свете тезиса авторов о том, что мнение А. Н. Куропаткина «позволяет приблизиться к пониманию актуальных вопросов современности», оценка утопичных геополитических идей не должна превращаться в панегирик консервативно мыслящему военно-политическому деятелю. Можно согласиться с общим выводом авторов, что «авторитетное мнение» Куропаткина «служило аргументом идейного обоснования имперской политики на ее азиатском направлении и ... национальной идеологии в целом», однако реалистичность данного мнения и позитивность его влияния на национальные интересы страны вызывает серьезные сомнения.

Несмотря на то, что авторы считают А. Н. Куропаткина «тонким знатоком азиатского менталитета», следует отметить, что провал военной кампании имперского правительства в Манчжурии в 1904–1906 гг. явно свидетельствует об обратном: об утопичности общих геополитических взглядов, которыми руководствовался главнокомандующий, разрабатывая стратегию и тактику своей армии. Внешнеполитическая изоляция России в годы русско-японской войны так же являлась, на наш взгляд, лучшим подтверждением нереальности мечтаний А. Н. Куропаткина о создании общеевропейского фронта в регионе.

Гораздо более реалистичными оказались представления А. Н. Куропаткина о формировании персидского вектора во внешней политике России, которые сложились в ходе двух поездок в Персию в 1895 и 1897 гг. Авторами монографии удачно показана связь данного направления во внешней политике России с борьбой между Российской и Британской империями в регионе. Мнение А. Н. Куропаткина о возможностях ведения «Большой игры» с Англией сложилось прежде всего в военно-стратегической плоскости и сводилось к его мысли о необходимости для России иметь в центральной Азии хороший стратегический плацдарм, нарастив на котором силы, Россия могла бы успешно блокировать деятельность своего геополитического оппонента. Помимо этого, как следует из текста монографии, генерал призывал вести торгово-экономическую экспансию на иранских рынках. Однако, в материалах самого А. Н. Куропаткина данная сторона деятельности была представлена лишь в самом общем виде, а причины отставания России от Англии, которую генерал считал своеобразным эталоном ведения экономической экспансии, он видел в общей слабости отечественной экономики.

Авторы справедливо указывают, что военное министерство во второй половине XIX в. занималось изучением Персии через штабы двух смежных с этой страной областей Российской империи: Зататальской и Кавказской. Большой интерес представляет сюжет о посылке А. Н. Куропаткиным российских офицеров-разведчиков в восточные территории сопредельной страны. Авторы так же отмечают влияние результатов разведывательных экспедиций на формирование военно-стратегических взглядов А. Н. Куропаткина, которые он через серию записок и докладов на имя императора пытался донести до политического руководства России.

Глава «Личность в истории. Генерал Куропаткин накануне и в период Русско-японской войны» посвящена разностороннему анализу как историографии войны, так и выяснению объективного и субъективного факторов (и соответственно, степени ответственности генерала) провала кампании на Дальнем Востоке. Интерес представляют размышления о том насколько демонизированный образ генерала, представленный в широком кругу исторических исследований, соответствовал его реальным талантам и намерениям. Любопытный материал дают дневниковые записи А. Н. Куропаткина, которые позволяют пролить дополнительный свет на мотивы принятия им решений во время командования Маньчжурской армией. Интересно, что Куропаткин был категорическим противником Портсмутского мира с Японией, подчеркивал, что, заманив противника вглубь Китая, обладающая огромным военным и людским потенциалом, Россия находилась не на грани поражения, а наоборот, имела все шансы на перелом в войне. Сравнивая русско-японскую войну с Отечественной войной 1812 г., Куропаткин винил политическое руководство империи в

заключении преждевременного мира, блокировавшего возможности проявить стратегические таланты генерала. Главнокомандующий предлагал ряд мер, могущих, по его мнению, привести страну к победе над врагом – дальнейшее наращивание сил на Дальнем Востоке, заем у населения на строительство нового флота, срочное расширение сети железных дорог. Одним из главных факторов победы он видел повышение морального духа во вверенных ему войсках, однако достигать этого предлагал ограничительными мероприятиями – запретом «вредной для успеха военных действий деятельности нашей прессы». Любопытно, что при утопичности предлагаемых А. Н. Куропаткиным в условиях нарастания революционного кризиса мер, его общий прогноз звучал крайне убедительно: «Война и ныне ненавистна. Но если она не окончится победно, то положение внутреннее России так ухудшится, что можно будет ждать огромной важности внутренних беспорядков» (с. 241).

Последний раздел монографии: «Малоизвестные страницы жизни А. Н. Куропаткина в Шешурино» повествует о его последних годах жизни в своем бывшем именье. Раздел содержит краткие, разноплановые очерки как о деятельности отставного генерала и его отношениях с советской властью, так и о судьбе созданных им объектов краеведческого масштаба. Компонировка материала раздела напоминает набор энциклопедических статей, слабо связанных друг с другом сюжетами своего повествования: «Основатель сельскохозяйственной школы», «Шешуринская больница», «Почтово-телеграфное отделение», «Жизнь в Шешурино», «Дела, мысли, наблюдения и выводы», «Консультант Холмского музея», «Библиотека» и др. Справки о краеведческих объектах плавно переходят в описание судьбы генерала после революции 1917 г. Авторы обильно цитируют переписку генерала, приводят длинный список его статей и черновых заметок, которые проливают свет на направления исследовательского интереса А. Н. Куропаткина, а так же список его печатных трудов, которые генерал хранил в своей домашней библиотеке. Интересна история расхищения частного собрания А. Н. Куропаткина в годы революционных потрясений и передачи сохранившихся книг в государственную библиотеку, носящую ныне его имя.

В приложениях к монографии помещены обзоры источниковой базы, связанной с деятельностью генерала, хранящейся в РГВИА (ф.165), списки работ и опубликованных дневников А. Н. Куропаткина, а так же отдельные документы и иллюстрации, проливающие дополнительный свет на деятельность генерала как государственного, военного деятеля и яркую историческую личность. С последней связано обстоятельное описание одного из сохранившихся артефактов – шахмат Куропаткина, созданных фирмой Феберже по специальному заказу царского дома и подаренного генералу в знак благодарности за верную службу.

В целом, авторами монографии поставлены любопытные исследовательские задачи, связанные с «персональной историей» и новыми подходами к интерпретации событий русско-японской войны, ими пролит свет на малоизвестные страницы деятельности генерала, введен в научный оборот обширный круг источников. Труд, несомненно, является новым словом в изучении истории императорской России рубежа XIX–XX вв. и может представлять интерес как для профессионального историка, так и для широкой читательской аудитории. Хотелось бы пожелать авторам коллективной монографии дальнейших творческих успехов на поприще избранной ими тематики,

ведь в рецензируемом издании при анализе жизненного пути А. Н. Куропаткина из поля зрения выпал целый исторический пласт – эпоха между русско-японской войной и революционными потрясениями 1917 г. Материалы о деятельности генерала в период Первой мировой войны как командующего 5-й армией, а затем и всем Северным фронтом, его роль в подавлении восстания местного населения в Туркестанском генерал-губернаторстве в 1916 г., как представляется, так же еще ждут своего серьезного исследователя и открывают возможности для появления новых интересных изданий.

Источники и литература

1. Государственный исторический музей (ГИМ). Ф.6.
2. Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М.: Каллиграф, 2015. 415 с.
3. Магомедов А. А. П. К. Услар – исследователь Дагестанских языков. - Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. 46 с.
4. Отдел письменных источников Российской государственной библиотеки (ОПИ РГБ), Ф.68. Оп1. Д.6805.
5. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: «РОССПЭН», 2000. 511 с.
6. Explain the significance of the following statement from "Shooting an Elephant" URL: <https://www.enotes.com/homework-help/shooting-an-elephant-paragraph-elow-containing-358886>. (Accessed: 06.11.2018).
7. Ludgart F.D. The Dual Mandate in British Tropical Africa. London: 'William Blackwood and Sons', 1922. 639 p.
8. Orwell G. Shooting an Elephant and other essays. London: 'New Writing', 1936. 124 p.

References

1. Gosudarstvennyj Istoricheskij Muzej (*Sate Historical Archive*). F.6. Series 1. (In Russian)
2. Kolosovskaya T. A. Rossiiskie voennye v sotsiokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv. (*Russian Military in the Socio-Cultural Space of the North Caucasus in the 18–19 centuries*). Moscow, Kalligraf publ., 2015. 240 p. (In Russian)
3. Magometov A. A. P. K. Uslar issledovatel Dagestanskih yazykov (*P. C. Uslar and his Dagistanian languages studies*). Mahachkala, Daguchpedgiz publ., 1979, 46 p. (In Russian)
4. Otdel pismennyh istochnikov Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (*The written Sources Department of the Russian State Library*). Fond.68. Series 1. File 6805. (In Russian)

Сведения об авторе

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tksmg@rambler.ru

Information about the author

Tkachenko Dmitrii – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of Russian History, Institute for the Humanities North Caucasus Federal University (Stavropol) / tksmg@rambler.ru